

УДК 712.03

Эволюция ландшафтной архитектуры в Узбекистане: от древности до раннего средневековья

Дробченко Н. В.¹

¹Самаркандский государственный архитектурно-строительный университет
им. М. Улугбека, г. Самарканд, Узбекистан

Аннотация: В статье исследуется процесс эволюции ландшафтной архитектуры в Узбекистане с древности до раннего средневековья. Рассмотрены и проанализированы этапы зарождения ландшафтной архитектуры с отражением всех культурных изменений, повлиявших на ее становление. Во внимание были взяты исторические материалы, материалы философов. Целью статьи является анализ эволюции ландшафтной архитектуры в Узбекистане. В статье анализируются данные историков, современных ученых, используются данные археологов и методы анализа. Освещены пути становления ландшафтной архитектуры, влияние многих факторов на формирование и развитие архитектурно-планировочного стиля «чор-баг». Результаты статьи позволяют понять процессы формирования ландшафтной архитектуры, ее особенности и значение в истории.

Ключевые слова: парадиз, сад, запретное место, огороженное место, водопровод, Пенджикент, чор-баг

Для цитирования: Дробченко Н. В. Эволюция ландшафтной архитектуры в Узбекистане: от древности до раннего средневековья // Архитектура. Реставрация. Дизайн. Урбанистика, 2024, 1 (3), с. 155-166

The evolution of landscape architecture in Uzbekistan: from antiquity to the early middle

Drobchenko N. V.¹

¹Samarkand State University of Architecture and Civil Engineering
named after Mirzo Ulugbek, Samarkand, Uzbekistan

Abstract: The article examines the process of evolution of landscape architecture in Uzbekistan from antiquity to the early Middle Ages. The stages of the origin of landscape architecture are considered and analyzed, reflecting all the cultural changes that influenced its formation. Historical materials and materials of philosophers were taken into account. The purpose of the article is to analyze the evolution of landscape architecture in Uzbekistan. The article analyzes the data of historians and modern scientists, uses the data of archaeologists and methods of analysis. The ways of formation of landscape architecture, the influence of many factors on the formation and development of the architectural and planning style "chor-bagh" are highlighted. The results of the article allow us to understand the processes of formation of landscape architecture, its features and significance in history.

Keywords: paradise, garden, forbidden place, fenced place, water supply, Penjikent, chor-bagh

For citation: Drobchenko N. V. The evolution of landscape architecture in Uzbekistan: from antiquity to the early middle // Architecture. Restoration. Design. Urban science, 2024, 1 (3), p. 155-166

1. Введение

Ландшафтная архитектура Узбекистана является отражением культурных, социальных, а также технологических аспектов общества, выраженных через формирование пространственной среды [1-3]. Эволюция ландшафтной архитектуры от древности до раннего средневековья наряду с богатством исторического наследия, культуры, традиций представляет большой интерес для исследования [4-6]. Разнообразие природных условий, климатические особенности, географическое положение, взаимодействия культур на протяжении долгого времени формировали ландшафтный облик региона [7-9]. В статье уделяется внимание факторам, лежащим в основе формирования ландшафтной архитектуры Узбекистана с древности до раннего средневековья [10-12]. Исследования археологов, исторических источников, современных ученых, а также представленный анализ позволяют проследить динамику развития ландшафтной архитектуры Узбекистана, выявить ключевые тенденции и изменения, происходившие на протяжении исторического периода [13-15].

Целью исследования является расширение понимания эволюции ландшафтной архитектуры в Узбекистане, выявление её ключевых качеств, определение влияния различных факторов на её развитие.

Среди использованных в статье исторических источников выделены работы Захириддина Мухаммада Бабура, Руи Гонзалеса де Клавихо, Мир Мухаммад Амина Бухари, Ибн Хаукаля, Ал-Истахри и т.д. Древнее садово-парковое искусство рассмотрено в трудах О.И. Смирновой, Е.А. Мончадской, А.И. Шевякова. По материалам раннего средневековья опубликованы работы Г.А. Пугаченковой, В.В. Бартольда, М.Е. Массона и т.д.

2. Методы

Метод исследования заключается в сравнительном анализе библиографических источников в области ландшафтной архитектуры.

3. Результаты и обсуждение

Развитие ландшафтной архитектуры Узбекистана уходит корнями в глубину истории. Изначально сады имели больше утилитарное значение и принадлежали людям из высших сословий. Описания садов, парков, частично сохранились в трудах историков, философов; археологами обнаружено много новых сведений о древних видах ландшафтного искусства. На протяжении долгого времени происходили изменения в процессе становления и формирования ландшафтной архитектуры, вырабатывались особые приемы и типы построения садов и парков, составлявших наследие народа.

Парки парадизы (согдийское «pṛdūz», парфянское «pṛdūz», древнеиранское «pari-daīza», авестийское «pairi-daeza») – место, обнесенное

стенной) представляли собой древнейшие виды землевладения знати. Из мугских документов следует, что у правителя Согдианы Деваштича был парадиз. Он располагался в горной части его владений в Пенджикенте [1]. В манихейских текстах уточняется, что парадизом называется территория парка или же сада, но никак не территория, засаженная виноградником [1].

В своих трудах античные авторы упоминали о среднеазиатских парадизах (греч. «*παραδείσος*»), представлявших собой большие парки для охоты, обнесенные стеной. Для их устройства выбирались лучшие горные пастбища и леса. Такого рода охотничьи парки в позднем средневековье назывались тюркским «*қоғуу*» или «*қоғиқ*», что означало «заповедное» или «запрещенное» место, обозначая места для охоты, заповедные пастбища, принадлежавшие высокопоставленной знати. Махмуд Кашгарский акцентировал, что тюркским словом «*қоғуу*» именовалось любое охраняемое владение [1].

В «Вакфноме» указываются места «мухаввата» – участки с расположенными на них почитаемыми могилами и деревьями или же сады с домами [2]. Большое количество подобных заповедных мест, переданных в пользование религиозным организациям, располагалось между Нахшабом и Кешем в долине Кашкадарии. В «Убайдулла-наме» [3] описывается «чахарбаг Харам-Сарай» (запретный дворец) рядом с городом Карши [2]. Выражение «харам» относилось к запретным участкам, дворцам в долине Кашкадарьи. Так как «запретных», «огороженных» участков там располагалось большое количество, предполагается, что на территории долины находился царский заповедник [2]. Название Нахшаба – Карши подтверждает эту гипотезу. Река Кашкадарья с ее притоками питает Карши и его окрестности, предположительно она и является рекой охоты – Нахшаб в древности. Название Карши, предположительно [2], употреблялось для обозначения особо выделяемых земельных владений.

Согдийскому «*karsu*» соответствовало тюркское выражение «*kiruk*». Название города Шахрисабза - Кеша, находящегося в долине Кашкадарьи, указывает на то, что в древности здесь располагались запретные территории. Город и его окрестности служили местами отдыха для знати Мавераннахра. Из-за обильного озеленения городской территории Шахрисабз получил название «Зеленоград».

На территории современного Узбекистана многие места для отдыха пересекаются с культовыми объектами, такими как «мазар», «кадамжой», «сайилгох». По сути, эти территории являются природными заповедниками с почитаемыми захоронениями, которые нельзя осквернять своим присутствием (например, убивать животных, рубить деревья и т.д.). Когда люди нуждаются в помощи «Высших сил», они могут посещать подобные места, но лишь в определенное время. Постоянное нахождение на этих территориях возможно только хранителям этих святых мест [2].

Из сопоставленных данных следует, что город Кеш получил название от своего расположения на запретной территории. Возможно, этой запретной территории соответствует Шахрисабский «чим» – общая стена, окружавшая городскую территорию с садами Китаба и Шахрисабза. Из сопоставления терминов «Карши», «Кеш», «курук», «мухаввата», «харам» следует, что все они относятся к запретной территории и соответствуют древнеперсидскому парадизу.

Сюжет об охоте Александра Македонского в охотничьем заповеднике (парадизе) на протяжении долгого времени привлекал к себе большое внимание ученых. В местности Басиста (или же Базира) Е. А. Мончадская, процитировав Диодора Сицилийского, отмечает: «Περὶ τοῦ ἐν Βασιστός κυνηγίου καὶ τοῦ πλήθους τῶν ἐν αὐτῷ θηρίων» – «об охоте в Басистах (может быть в местности Басистов) и о множестве различных зверей (находившихся) в этом месте» [4]. В данном случае речь идет об охоте Александра Македонского в местности с большим количеством различных зверей, под названием Басиста. Далее Е. А. Мончадская отмечает [4], что Квинт Курций Руф описывает ту же охоту на зверей в местности в районе Самарканда, и называет ее по-своему – Базайра (Βαζαίρα). В тех местах наибольшим признаком богатства варваров являются огромные стада благородных животных, запертые в обширных лесах (рощах) и горных пастбищах (выгонах). Для таких территорий выбирают леса с обильными источниками постоянно текущих (неиссякаемых) вод. Такие леса (рощи) окружаются стенами и имеют башни для убежища охотников. По утверждению Е. А. Мончадской такое горное пастбище стояло нетронутым в течение четырех поколений. «Александр, вступив на эту местность со своим войском, велел гнать зверей со всех сторон» [4].

По словам Курция Руфа, Александр убил в этом охотничьем парке четыре тысячи зверей. По мнению Е. А. Мончадской, В. Я. Томашека и Григорьева, Диодор Сицилийский и Курций Руф имели в виду один и тот же охотничий заповедник Βαζαίρα – Βασιστα [4]. Если принять во внимание свидетельство Страбона о том, что греки и македонцы, приходя в Среднюю Азию, искажали местные названия, а также называли по-новому реки и местные территории, становится ясным, почему у разных авторов были и разные названия.

Мнения современных ученых о месторасположении этого парадиза существенно расходятся. Е. А. Мончадская, соглашаясь с мнением В. Я. Томашека, считает, что «Басиста» – это горная область, богатая лесами и источниками, находящаяся в области Мараканды (Самарканд). Однако, она задается вопросом, что следует понимать под «Басистой» – название самого «парадиза» или той местности, где был расположен «парадиз», или же это древнее название района Согдианы, недалеко от Мароканда? [4]. По утверждению Б. Я. Ставицкого названия местностей Басиста, Базира и

Басиллейя (у Диодора Сицилийского, Курция Руфа и Арриана) обозначают одну и ту же местность, которая располагалась в верхней части Зарафшанской долины [2].

Э. В. Ртвеладзе и А. С. Согдуллаев связали местности Басиста, Базаира и Басиллейя со «Второй столицей Согда», сопоставленной с городищем Еркурганом, рядом с городом Карши, тем самым опровергая выводы Б. Я. Ставицкого. Э. В. Ртвеладзе располагает территорию между Зиединном и Каттакурганом, расположенными на северных рубежах Согдианы [2]. Большое количество расположенных в верхней и средней части долины Кашкадарьи запретных территорий «Карши», «Кеш», «харам», «мухаввата», а также богатых охотничьих угодий дало возможность А. И. Шевякову прийти к выводу, что именно на этой территории располагался «паразиз» – место охоты А. Македонского. Курций Руф отмечает несколько таких мест «...в этой варварской стране», употребляя термины «парки, рощи, загоны» во множественном числе: «Было известно, что в одном из таких загонов на протяжении четырех поколений никто не охотился». Анализируя все материалы, определяем, что таких «парадизов» было несколько, и «парадиз» в Басисте не был единственным в Согдиане.

Подобные заповедники для охоты сначала возникли в Мидии, а потом их стали устраивать для себя Ахеминиды. Один из персидских сатрапов Согдианы создал для себя подобный мидийский и персидским «парадиз» в районе Мароканда, в гористой и лесистой местности [4]. Созданные парки свидетельствовали о богатстве своих владельцев и были лучшим украшением страны. Враги не могли нанести более жестокой мести, чем беспощадно опустошать сады, принадлежащие их владыкам, поэтому сады чаще всего подвергались уничтожению и разорению. Соглашусь с предположением А. И. Шевякова, что, охотясь в «парадизе», цари подтверждали свое здоровье, ловкость и смелость, а также готовность к защите своего народа. Ксенофонт, описывая увиденные во время своего похода персидские «парадизы», имел намерение показать своим землякам образец парков для подражания [5].

А. Македонский любил охоту в парках тех народов, которые он покорил. В Индии Александр обнаружил огороженные хорошо орошаемые рощи и леса, наполненные благородной дичью. По возвращении из Индии Македонский украсил свою армию венками из плюща, приказав посадить его в вавилонских парках [5]. Вся Азия с ее великолепным садово-парковым искусством, благодаря завоеваниям А. Македонского, была введена в греческую культуру [5].

Исходя из этого, можно сказать, что происходил своеобразный культурный обмен по созданию садово-паркового искусства и различных селекционных экспериментов. Такие эксперименты проводились и в

последующие века. Например, Бабур охотно ввозил в более северные районы Индии всяческие экзотические растения. Примером может служить разбитый им в Адинапуре сад Баги-Вефа, куда он привез банановые пальмы и сахарный тростник [6].

Особым видом земельной собственности являлись обрабатываемые участки – «баги» (βάυ) и «патарканы» (βυρτρκν). На этих участках специально высаживались виноградники, садово-огородные культуры или высевались зерновые [1]. В манихейских заповедях «баги» (βάυ) переводится как «загородный участок, сад», а «патаркан» (παταρκάν) – «приусадебный земельный участок». Там же написано, что «βάυ» и «παταρκάν» соответствуют «ραγαδέζ» и стоят с этим термином в одном ряду; «βάυ» (перевод христианского текста) окружался стеной, а внутри него возводились «сарбаги» (srβv). В. А. Лившиц утверждает, что согдийский «srβv» и персидско-таджикский термин «чор-баг» имеют одинаковый планировочный стиль (рис.1).

Рис. 1. Взаимосвязь древнейших видов землевладения
(Источник: выполнено автором)

«Чор-баг» обозначает территорию, разделенную на четыре части, поэтому в основу терминологии «чор-баг» заложено древнеиранское значение «bava», переводимое как «часть» или «доля», т.е. территория, состоящая из четырех частей «bava». С практической стороны «Чор-баг» удобен в территориальном размещении, а регулярный парк имеет свою торжественность и порядок [7]. Например, Бу-Наср (Нишапур) имел дворец и сад с тремя долями. Чтобы поддержать симметричность и законченность сада, он добавил долю и получил сад, размещенный на четыре стороны, т.е. «чор-баг».

С другой стороны, планировка «чор-бага» могла исходить от философского отношения к природе и окружающей среде. В Философии

«чор - унсур» заключено тождество четырех элементов – это земля, вода, огонь и воздух. Также в философии отмечено, что мир состоит из четырех сторон (рис. 2).

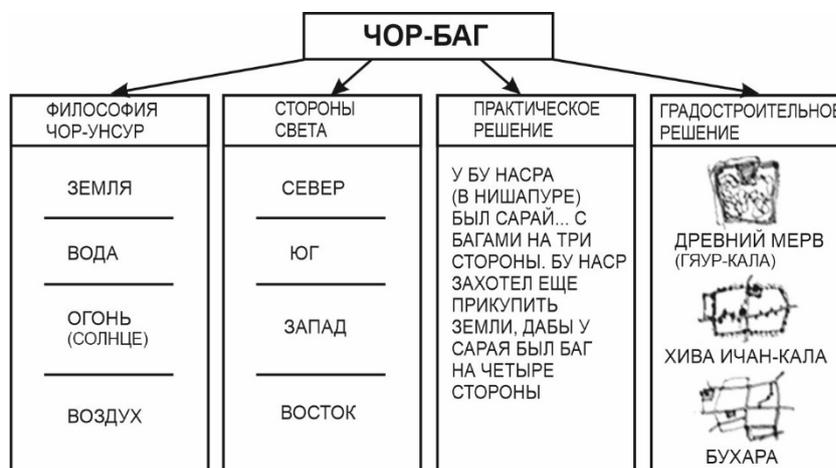

Рис. 2. Примеры возникновения «чор-бага»
(Источник: выполнено автором)

В культуре ислама существует понятие райского сада. Этот сад отгораживался с четырех сторон от небес стеной, образуя «чор-баг». В центре райского сада размещался источник, вода из которого текла по каналам в четырех направлениях сада [8]. Такой сад считался идеальным. Дворец и райский источник в таком саду располагались в центре, а вокруг них росли декоративные и плодовые деревья, кустарники и цветники [9, 10]. Возникает четкая геометрия в планировке сада, которая позже формируется уже в более четкий архитектурно-планировочный стиль «чор-баг» (четырёхчастный сад) [11]. Сад представлял собой прямоугольный (квадратный) архитектурный организованный план, по периметру окруженный стеной, правильно ориентированный по сторонам света [12], на регулярность построения которого повлияла рассмотренная выше философия «чор - унсур».

Помимо обозначения сада, термином «чор-баг» называли главный бульвар в Исфахане, по сторонам которого росли высокие тополя. [13]. По моему мнению, этот бульвар был принадлежностью самого «бага», его главной аллеей, и находился в самом «чор-баге».

Наряду со словом «баг» существует слово «бустан». «Баг» и «бустан» имеют одинаковое значение с небольшим различием. Если сад отождествляется с цветами и запахами, то употребляется слово «бустан», если же говорится о плодовых деревьях, то подразумевается «баг».

«Баг» и «бустан» одновременно могут быть составляющей одного дворца. По размерам территория «бага» в разы больше, чем «бустана». «Баг», в котором растут плодовые и декоративные деревья, соответствует древнему «парадизу». По рассказам о походе А. Македонского замечено,

что «парадизы» были в Туркестане, отсюда следует, что сам термин «парадиз» перешел из древнеперсидского языка в греческий. «Парадиз» обозначал «райский сад» и до сих пор сохраняет это значение в некоторых языках, например во франц. «paradis». В мусульманском периоде термин «парадиз» в живой речи ни в Персии, ни в Туркестане не употреблялся. В литературе этот термин заменяется на «фирдаус» – «рай» [13].

До арабского времени о ландшафтной архитектуре городских территорий не имелось никаких данных. Все имеющиеся сведения относились к более позднему периоду (IX-X век). Исходя из этого, предполагалось, что в городах той поры зеленые насаждения отсутствовали [14]. О водоснабжении и озеленении городов V-VIII веков мы можем судить только по археологическому материалу. После раскопок в Пенджикенте были обнаружены остатки арыка и углубления от корней деревьев. Это, в свою очередь, означало, что зеленые насаждения все-таки существовали, а использование арыка, обсаженного деревьями, соответствовало V веку [14]. Наряду с арыками в городе могли существовать хаузы – бассейны. При проведении раскопок в Пенджикенте был открыт небольшой прямоугольный водоем, вытянутый вдоль дороги, соединяющей ворота с главным зданием храма. Водоем состоял из двух частей, которые сообщались между собой неглубокой канавкой, проходящей через овальную яму для зачерпывания воды [14]. Между арыками на берегу водоема археологами были найдены остатки деревьев и виноградной лозы. На расстоянии 6,75 метров располагался второй водоем, расположенный почти в середине двора параллельно другому водоему. В отличие от южного водоема (двойного), здесь обнаружен один длинный [15]. На северо-восточном берегу водоема также были обнаружены остатки виноградной лозы и пня [15]. Они находились на одной линии с пнем и виноградной лозой, отмеченными на берегу первого водоема. Отсюда следует вывод, что строители, сооружая водоемы, думали о ландшафтной и функциональной композиции данной местности. На расстоянии одного метра от восточного края водоема была прослежена идущая с севера на юг суфа шириной 90 см, высотой 40 - 50 см. Эта суфа служила местом отдыха на краю открытого двора близ водоема. Когда был построен у входа во двор большой айван, внутреннее помещение потеряло свое значение, стены были снесены почти до уровня суфы и вместе с ней образовали платформу. Дорога от платформы до айвана и к главному зданию спускалась по пандусу, сложенному из сырца [15]. Дорога к главному зданию храма была оформлена «зеленой архитектурой». Она проходила под аркой из виноградных лоз между двумя мощными кипарисовыми деревьями [14]. На основании плана Пенджикента, составленного Л. Л. Гуревичем, можно утверждать, что ландшафтная архитектура во дворе храма имела продуманную систему планировки.

Несмотря на небольшие размеры, водоемы не прекращали действовать на протяжении 200 - 250 лет, а вода в храме имела ритуальное значение. Подтверждением этого в некоторой степени являются произведения монументальной глиняной скульптуры, на которых изображен речной пейзаж [14]. В системе водоснабжения применялись водопроводные «кубуры» (керамические трубы) разных габаритов. Такого рода трубы являлись показателем высокого уровня городского благоустройства. Соглашаясь с выводами А. Анарбаева, отмечу, что двор храма со своими водными сооружениями, суфами и древесными насаждениями представлял собой настоящий сад.

В преарабское время согдийские строители имели значительный инженерный опыт в возведении водопроводных сооружений. Об этом свидетельствует «Джуи Арзиз» (свинцовый водопровод), проложенный с помощью акведука (рис. 3). По М. Е. Массону значилось, что конечный участок этого канала состоял из свинца [16], у Истахри говорится, что он со всех сторон был облицован свинцом [17], а Ибн-Хаукаль утверждает, что наружная его сторона сделана из свинца [18].

Рис. 3. Вид на «Джуи Арзиз» (свинцовый водопровод).
(Источник: Массон, М. Е. Среднеазиатские мосты прошлого и проблемы их изучения. Ташкент: Узбекистан. 1978. 58 с.)

Система водоснабжения в городах была организована по-разному. Например, в Пенджикенте все водопроводные линии возникли в процессе оформления ранних магистральных улиц, поэтому арычная сеть прослеживается вдоль них. На Афрасиабе древние магистральные каналы проходили по слабо застроенной территории. В свое время это повлияло на оформление общей топографии города [14]. А так как водоснабжение неразрывно связано с озеленением, причем имеются данные о присутствии в Пенджикенте сада, можно утверждать, что территория шахристана все же была озеленена, а культура городов Средней Азии в доарабское время достигла высокого развития.

4. Заключение

Ландшафтная архитектура Узбекистана с богатой историей и наследием отражает своеобразный синтез природных, культурных и социальных факторов.

Одним из древнейших видов землевладения были парки – парадизы, обозначающие запретное, огороженное место. Термин «парадиз» имел широкое распространение в согдийском, парфянском, древнеиранском, авестийском контекстах. Парадизы были не только зелеными оазисами, но и служили местами для охоты.

Парадиз, бай, патаркан, сарбаг, чор-баг – термины, которые обозначают примерно одинаковые функции, являясь огороженными территориями, каждая из которых отражает особенности времени, культуры и технологического уровня построения. Сложившийся в более позднем периоде архитектурно-планировочный стиль «чор-баг» имеет также в своей основе огороженную территорию, что ставит его в один ряд с древними парадизами. Из материалов археологов видно, что древние города были хорошо озеленены и обводнены, а объекты ландшафтной архитектуры грамотно вписывались в структуру городов.

Статья подчеркивает важность сохранения и изучения ландшафтной архитектуры Узбекистана, так как эволюция ландшафтной архитектуры Узбекистана является важным аспектом его культурного наследия.

Список литературы

1. Смирнова О.И. (1970), Очерки из истории Согда// Москва: Наука, 1970. С. 93-95.
2. Шевяков А. И. «Охота Александра» и ее географическая локализация // Общественные науки в Узбекистане. 1999. № 5-6. С.78-82.
3. Бухари Мир Мухаммед Амин. Убайдулла-наме// Ташкент: издательство Академии Наук Узбекистана, 1957. 214 с.
4. Мончадская Е. А. О «Царском городе», или «второй столице» Согдианы // Вестник древней истории. 1959. С. 116-121.
5. Горохов В. А., Лунц Л.Б. Парки мира// Москва: Стройиздат, 1985. С. 24-29.
6. Бабур, Захириддин Мухаммад. Бабурнаме// Ташкент: Издательство Академии Наук Узбекистана, 1958. 528 с.
7. Дробченко Н. В. История становления и пути развития ландшафтной архитектуры в Узбекистане// Самарканд: Zarafshon, 2017. 134 с.
8. Назмиева А. А. Исламский сад в мировой истории архитектуры// Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2008. – № 1(9). – С. 45-50.
9. Ожегов С. С., Уролов А. С., К. Ж. Рахимов. Ландшафт архитектураси ва дизайни// Самарканд: СамДМКИ, 2003. 148с.

10. Теологические и планировочные особенности райских садов. Стилиевые особенности Чор-бага в мемориальных садах // Материалы Научного семинара «Сохранение исторического наследия: приоритет культуры над цивилизацией» В рамках Шестых Рериховских Чтений 120 лет со дня рождения Рериха Ю.Н. Ташкент: Изд.«Fan va texnologiyalar nashriyot-matbaa uyi». 2023. С 129-139.

11. Дробченко Н. В. Садово-парковое искусство эпохи Амира Темура, примеры распространения традиций в Северную Индию // Журнал Архитектура. Научная библиотека БНТУ, г. Минск. ISSN 2218-547X, Вып.№16, с. 16-22. <https://rep.bntu.by/handle/data/128214>

12. Пугаченкова Г. А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Среднеазиатские сады и парки XV века// Ташкент: Литература и искусство им. Г. Гуляма. 1987. С.173-185.

13. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1927. 256с.

14. Анарбаев А. Благоустройство средневекового города Средней Азии (V- нач. XIII в.). Ташкент: ФАН, 1981. 119с.

15. Анарбаев А. К вопросу о водоснабжении и озеленении городов Средней Азии в предрарабское время (по материалам Пенджикента). Краткие сообщения // Вып.№ 147. Москва: Наука, 1976. С.49-54.

16. Массон, М. Е. Среднеазиатские мосты прошлого и проблемы их изучения. Ташкент: Узбекистан, 1978. 58 с.

17. Истахри. *Viae regnorum, Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri // ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. С. 316. (*Bibliotheca Geographorum Arabicorum*).

18. Ибн Хаукаль. *Viae et Regna. Descriptio ditionis moslemicae* auctore Abu'l Kasim Ibn Haukal // ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873. С. 366. (*Bibliotheca Geographorum Arabicorum*).

References

1. Smirnova O.I. Essays from the history of Sogd, Nauka, Moskva, pp. 93-95.

2. Shevyakov, A.I. “Alexander's Hunt” and its geographical localization, Journal of Social Sciences in Uzbekistan, no. 5-6, P.78-82.

3. Bukhari, Mir Mukhammed Amin. Ubaidulla-name [Ubaidullah-name], Akademii Nauk Uzbekistana, Tashkent, 214 p.

4. Monchadskaya E.A. About the “Royal City” or the “second capital” of Sogdiana. – Journal of Ancient History, P.116-121.

5. Gorokhov, V.A., Lunts L.B. Parks of the world. Stroiizdat, Moskva, P.24-29.

6. Babur, Zakhiriddin Mukhammad. Baburname, Akademiya Nauk Uzbekistana, Tashkent, P. 528.

7. Drobchenko, N.V. The history of the formation and development of landscape architecture in Uzbekistan, Zarafshon, Samarkand, 134 P.
8. Nazmieva A. A. Islamic garden in the world history of architecture// News of KSUAE. – 2008. – № 1(9). – P. 45-50.
9. Ozhegov, S.S., Urolov, A.S., Rakhimov, K.Zh. Landscape of architecture and design// SamDMKI, Samarkand, 148 p.
10. Drobchenko N.V. Materials of the Scientific seminar “Preservation of historical heritage: the priority of culture over civilization” Within the framework of the Sixth Roerich Readings, 120 years since the birth of Roerich Yu.N.], Fan va texnologiyalar nashriyot-matbaa uyi, Tashkent, P. 45-50.
11. Drobchenko N.V. Landscape art of the Amir Temur era, examples of the spread of traditions to Northern India// Journal Architecture. BNTU Scientific Library, Minsk. ISSN 2218-547X, no.16, P. 16-22
12. Pugachenkova G.A. From the artistic treasury of the Middle East. Central Asian gardens and parks of the XY century// Literature and art. G. Gulyama, Tashkent, P. 173-185.
13. Bartol'd, V.V. The history of the cultural life of Turkestan// Akademy of Sciences of SSSR, Leningrad, 256 p.
14. Anarbaev A. Landscaping of the medieval city of Central Asia (V- early XIII century)// FAN, Tashkent, 119 P.
15. Anarbaev A. On the issue of water supply and landscaping of Central Asian cities in the pre-Arab period (based on the materials of Penjikent// The science, Moscow no.147, P. 49-54.
16. Masson M.E. Central Asian bridges of the past and the problems of their study// Uzbekistan, Tashkent, 58 P.
17. Istakhri. Viae regnorum, Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri // ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. S. 316. (Bibliotheca Geographorum Arabicorum).
18. Ibn Khaukal'. Viae et Regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l Kasim Ibn Haukal // ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873. S. 366. (Bibliotheca Geographorum Arabicorum).